

Подземелье ведьм

Поздно вечером с корабля «Гранат», который находился на орбите, заметили большой пожар. Пожар бушевал в степи, где располагалась исследовательская станция. В тот момент на станции было семь сотрудников и один гость – Андрей Брюс. Брюс отправился на планету на корабельном катере, чтобы отвезти почту и оборудование для станции, забрать образцы и заболевшего сотрудника. Было договорено, что Андрей Брюс останется на станции до утра.

На «Гранате» не нашлось никого, кто бывал на планете, и представление о ней оказалось самое общее. Известно лишь, что обитатели степи – дикие кочевники – постоянно воюют между собой.

Пожар, замеченный с «Граната», был не первым. За этот вечер на пункте связи зарегистрировали, по крайней мере, четыре пожара. Один большой – горела степь, три малых – результаты набегов и стычек.

Станция была надежно защищена от нападения дикарей, и поначалу пожар никого не встревожил. На всякий случай дежурный радист вызвал станцию, чтобы спросить, не требуется ли помощь.

Станция не отвечала. Радист доложил об этом вахтенному. Вахтенный приказал выпустить «глаз» – спутник наблюдения и остался в узле связи, тогда как радист продолжал вызывать станцию.

«Глаз» спустился к поверхности планеты и передал видеоинформацию. Станция горела.

Пылали конусообразные, схожие с шатрами кочевников здания. Огонь охватил даже планетарный катер, который стоял метрах в пятидесяти от шатров. Можно было угадать какие-то фигурки, что металась среди факелов. Дым, черный, густой и жирный, скрывая пожараще, тянулся на несколько километров.

Вахтенный разбудил капитана и распорядился готовить к вылету второй планетарный катер. На лайнере по штатному расписанию положено иметь два катера, один из которых в оперативной готовности. Но он-то и горел сейчас внизу, поэтому несколько лишних минут ушло на подготовку второго.

Капитан подтвердил распоряжения вахтенного. На катере отправились врач, второй штурман Гришин и два инженера.

Пока готовили катер, выдавали оружие и грузили медикаменты, на мостике шла

оживленная дискуссия: что же могло случиться. Даже если случайно в каком-то из шатров возник пожар, его должны быстро загасить пожарные автоматы. Да и вряд ли можно ожидать настолько внезапного пожара, чтобы он помешал станции выйти на связь с «Гранатом». Возможно, на станцию кто-то напал, и это нападение застало врасплох даже опытного начальника станции Конрада Жмуду и капитана Космофлота Андрея Брюса, который после нескольких лет службы агентом Космофлота на планете Пэ-У летел в Центр, чтобы получить корабль.

Андрей был человеком энергичным, вынужденное безделье на борту «Граната», который неспешно передвигался от планеты к планете, снабжая их экспедиции и сменяя ученых, его томило. Когда он предложил отправиться на планету, подменив штурмана, капитан «Граната» был рад оказать Андрею такую услугу. Теперь же получалось, что эта услуга могла обернуться для Андрея бедой.

Планетарный катер спустился рядом со станцией примерно через полтора часа после того, как на «Гранате» впервые заметили пожар.

Пожар уже кончался – пламя сожрало все, что было ему подвластно. От шатров станции остались лишь черные остовы, катер выгорел даже изнутри.

Среди углей и пепла удалось отыскать четыре трупа. В одном опознали Конрада Жмуду, три других были в таком состоянии, что опознать их можно будет лишь в Галактическом центре. Несколько в стороне от сгоревших шатров была найдена Ингрид Хан, сотрудница станции, геолог. Она была в тяжелом состоянии.

Пока врач старался оказать на месте первую помощь, а один из инженеров снимал фильм, чтобы потом на корабле установить истину, штурман со вторым инженером пошли к заросшей кустарником ложине. В этой ложине «глаз» обнаружил несколько небольших, обтянутых шкурами шатров – там обитали кочевники.

Штурман и его спутник осторожно подошли к шатрам. Возле шатров их встретили обитатели этих жилищ – грязные, первобытные, почти обнаженные люди, которые знаками отрицали свою причастность к гибели станции, повторяя слова «Октин Хаш». Тем не менее подозрение с дикарей не было снято, потому что штурман заметил в становище некоторые предметы со станции. Лица и руки большинства дикарей были измазаны сажей. Ясно, что они побывали на пожарище.

«Глаз» тем временем обследовал окрестности станции. Удалось увидеть и сфотографировать

несколько трупов кочевников. Среди них не было ни одного из трех исчезнувших сотрудников станции. Не исключалось, правда, что они тоже погибли в пожаре.

Недалеко от станции было обнаружено логово хищных ящеров, именуемых тираннозаврами. Возникло предположение, что станция погибла от их нападения, тем более что у самой границы станции были замечены следы такого ящера, каждый след около метра в поперечнике.

Дальнейшие поиски пришлось прервать, так как врачу не удалось привести в сознание Ингрид Хан, и она могла в любой момент умереть. Решено было срочно вернуть катер на корабль, а с рассветом возобновить поиски. «Глаз» же продолжал находиться над степью, регистрируя передвижения кочевников.

Всю ночь на мостике расшифровывались и изучались снимки, сделанные «глазом». Однако в группах всадников и на становищах не удалось увидеть ни одного из землян.

Утром катер вновь отправился на планету. Он опустился возле большого становища, километрах в тридцати от станции. Становище готовилось к перекочевке, и люди с корабля были встречены враждебно. Искать землян в скопище людей, которые запрягали повозки, складывали

кибитки, собирали утварь, готовили пищу, было нелегкой задачей. Ни людей, ни предметов со станции найти там не удалось.

«Гранат» оставался на орбите. Ждали, когда очнется Ингрид Хан. Наблюдения за степью продолжались, но никого, кроме аборигенов и удивительных животных, словно сошедших со страниц палеонтологического атласа, найти не удалось. Так прошел второй день и наступил третий.

С каждым часом надежда найти Андрея Брюса и двух сотрудников станции становилась все более эфемерной...

Андрей Брюс был благодарен капитану, который разрешил ему отвезти на планету катер и остаться там до утра.

Катер опустился на зеленой лужайке возле группы конусов – шатров станции. Встречать его вышли все семь сотрудников.

Когда ты впервые видишь людей и знаешь, что через день расстанешься с ними навсегда, то твое внимание выделяет одно-два лица.

Андрей знаком был с Конрадом Жмудой, начальником станции. Тот за прошедшие годы раздался, постарел и полысел, но не потерял

могучей энергии и уверенности очень сильного и здорового человека.

Станция была на планете уже полгода, и ее сотрудники стосковались по новым лицам. Конрад долго тискал Андрея в объятиях, словно обрел потерянного брата. Затем Андрея представили другим ученым, и взгляд его выделил красивую, сухощавую женщину в шортах и безрукавке, которая оказалась геологом Ингрид Хан.

Перед тем, как войти в шатер станции, Андрей огляделся. Стоял жаркий безветренный день. Шатры расположились на пологом склоне, что вел к озерку, окруженному зарослями тростника. Выше начиналась степь. Кое-где над ней поднимались холмы, поросшие кущами деревьев. Трещали кузнечики, оглушительно щebetали птицы. Степь уже отцветала, но трава еще не пожелтела и источала влажные, тяжелые запахи.

В отдалении, возле деревьев, стояли люди. От текущего густого воздуха фигуры их колебались, словно плыли.

– А это кто? – спросил Андрей.

– Наши соседи, – сказал Конрад. – Беженцы. Я потом расскажу.

Они прошли внутрь конуса. Там было чуть прохладнее.

– Мы не включаем кондиционеры, – сказал Конрад, – так здоровее. А то насморки, простуды. Но ночью здесь прохладно. Ты отдыхай. Сейчас разгрузимся и будем обедать. Вечером предстоит зрелище.

– Какое?

– Ничего не скрою.

Вбежал маленький чернявый человек с трагически сошедшими к переносице бровями, бросил мешок с почтой и выхватил из-за пояса пистолет.

– Они как чуют! – крикнул он и кинулся к выходу.

– Что случилось?

Конрад открыл стенной шкаф, вынул оттуда другой бластер.

– Хочешь – погляди, – сказал он. – Только от шатра не отдаляйся. Они зубастые.

Андрей привык следовать советам опытных людей. К середине жизни понимаешь, что

любопытство в самом деле порок, особенно в незнакомом месте.

От двери шатра он увидел, что над поляной кругами, быстро и суетливо, как летучие мыши, выются темные, гадкого вида метровые создания с длинными острозубыми рылами, перепончатыми крыльями и короткими заостренными хвостами. Это были птеродактили. Порой кто-нибудь из них пикировал вниз, норовя вцепиться зубами в человека или в один из ящичков, сложенных возле катера. Конраду удалось подстрелить ящера, и тот рухнул на землю. Остальные, забыв о людях, кинулись на собрата.

Засмотревшись, Брюс не заметил, как птеродактиль выбрал объектом нападения его голову. Он так рванул Андрея за волосы, что у того из глаз посыпались слезы. Чернявый человек обернулся и выстрелил. Птеродактиль, испуская отвратительную вонь, упал на Брюса и сшиб его с ног.

Конрад подбежал к Брюсу и сказал, помогая ему встать на ноги:

– Я же просил тебя не вылезать.

– Ну и развели вы гадов, – сказал Брюс, приложив ладонь к затылку. Ладони стало тепло

и мокро.

– Как воронье, – сказал Конрад. – Их тут много. Приспособились к помойкам. У каждого становища вьются.

Он поглядел на птеродактилей. Они торопились, доедали товарища.

– Теперь они нажрут и улетят, – сказал Конрад. – Как бы только соседи не заметили... – И тут же добавил: – Заметили.

К ним бежали дикари, которые волокли по траве большую редкую сеть.

– А этим что надо? – спросил Брюс, разглядывая ладонь. Ладонь была в крови.

– Ты промой рану, может быть заражение, – сказал Конрад.

– Обязательно, – сказал Брюс.

Дикари были невысоки, тонконоги, вся одежда – короткая кожаная юбка и ожерелье из зубов и камней. И странные прически: небольшой гребень поперек бритой головы. Они кричали и смеялись, белые зубы сверкали на смуглых лицах.

Ингрид вытащила из катера пластиковое полотно и с помощью чернявого мужчины начала покрывать им ящики и контейнеры, лежавшие на траве. Теплая струйка крови потекла по шее, и Брюс вытер ее. Надо в самом деле привести себя в порядок. Но кто здесь доктор?

Дикари с сетью добежали до шевелящейся кучи птеродактилей, накинули на них сеть, и когда птеродактили сообразили, что, увлекшись обедом, потеряли свободу, было поздно. Они бились под сетью, стараясь взлететь, а мужчины дротиками и каменными топорами глушили их. Стоял страшный гомон.

– Эй! – крикнул Брюс – Ты куда?

Один из дикарей, пользуясь суматохой, подбежал к вещам на траве, откинул угол полога и потащил к себе серебряный плоский ящик. Ингрид увидела и стала тянуть ящик на себя. Ей на помощь пришел Конрад. Худой высокий мужчина в белых шортах громко увещевал рабителей. Язык, на котором он говорил, был цокающим, быстрым, отрывистым, словно стрекотание лесной птицы.

Увещевания, а, главное, неудача внезапного нападения утихомирили охотников. Еще через три минуты они удалялись, волоча сеть, полную битых птеродактилей, и с хохотом рассказывая

друг другу о своих подвигах.

– Брюс, – сказал Конрад возмущенно, – я уже сказал тебе, что надо промыть рану.

Доктором оказалась Ингрид.

Она выбрила Андрею волосы на затылке и обработала рану, потом залила ее пластиком. Придется походить денек с этой заплатой. Но если Брюс хочет, ему можно сделать прическу как у кочевника. Жан тоже собирается...

– Зачем ему?

– Он гениальный филолог. Вы бы послушали, какие беседы он ведет со степняками. Его приняли в стаю. Теперь испортят они нашего Жана. У них нет принципов – что хорошо, а что плохо. Готовы всю станцию ограбить. Белогурочка, милейшее создание, я ее очень люблю, украла зеркало. И повесила на юбку, спереди, представляете? От их хохота мы всю ночь не спали. Вот и все. Можете идти. А то у птеродактилей на зубах бывает трупный яд.

– Я думал, что они крупнее.

– Они бывают куда крупнее. К счастью, сюда не залетают.

Пришел Конрад.

– Не жарко? – спросил он. – А то включим кондиционер.

– Нет, спасибо. А почему вы пускаете аборигенов на станцию?

– Нет, – сказала Ингрид, – в помещения мы их не пускаем.

– Дежурный на пульте всегда может включить силовое поле, – сказал Конрад. – А ночью обязательно включает.

– Конрад их жалеет, – сказала Ингрид. – Это его стая.

– А ты их не жалеешь?

– Жалею, – сказала Ингрид, – но мы ничем не можем помочь.

– Что с ними случилось? – спросил Андрей. Пластик стягивал кожу, и хотелось его содрать.

– Сегодня увидишь, – сказал Конрад. – К нам пожалует сам Октин Хаш.

– Я думаю, – сказала Ингрид, – что он придет своего палача.

– Приедет, – сказал Конрад. – Я с ним говорил. Он любопытен.

Андрей Брюс попросил воды, выпил маленькими глотками. Вода была свежей, родниковой.

– Наши соседи, по-здешнему – стая Белого волка, – сказала Ингрид, – кочевали раньше километрах в двухстах отсюда. Мы основали станцию в безлюдном месте. Даже вместо куполов поставили шатры, чтобы не выделяться.

– Они о нас все знали, – сказал Конрад. – Охотники сотню километров проходят в день. А верховой и еще больше.

– Они к нам приходили, – сказала Ингрид. – Мы для них другая стая. И очень богатая. Мы с ними наладили отношения – они к нам, привыкли, но приезжали нечасто. Обокрасть нас трудно, а железа мы не даем. Но потом пришел Октин Хаш.

– Кто он такой? – спросил Андрей.

– Аттила, местный Аттила, – сказал Конрад. – Он пришел со своей ордой с юга. Так нам говорили. Другие считают, что он всегда кочевал у Зеленой реки, а года два назад стал сильным.

– Ведьмы помогли, – заметила Ингрид, складывая инструменты и закрывая шкафчик. – Наша стая так считает.

– Ведьмы или организационные способности, – сказал Конрад, – но суть в том, что он сумел подчинить себе все стаи этой степи и собирается в большой поход к морю. А войны здесь простые – смерть или рабство. Стая Белого волка тоже была разбита, и остатки ее бежали к нам под крыло. Октину Хашу это не нравится, он не хочет делить с нами степь, но и не смеет напасть.

– Как же называется ваша стая? – спросил Андрей.

– Стая Железной птицы, – ответил Конрад. – Только не воображай, что нам все это нравится. Если бы не уникальная фауна, не миллион загадок, мы бы отсюда улетели.

– Соблазн велик?

– Знаешь, как кличут нашу планету в Управлении Исследований? Эвур. Эв-ур – Эволюционный урод. Здесь все сразу – триасс и мезозой, кайнозой и хомо сапиенс. Новые виды здесь появлялись, а старые не вымирали. Это не может быть, но случилось. Ради того, чтобы здесь поработать, можно пойти на переговоры даже с Октином Хашем.

Филолог Жан заглянул в медпункт.

– Там Белогурочка – сказал он. – Ее отец заболел.

– Что с ним? – спросила Ингрид.

– Был на охоте. Больше она не говорит. Табу.

– Я пойду, – сказала Ингрид. – Скажи Медее, что пирог в духовке.

– Я сам посмотрю, – сказал Конрад. – Возьми с собой нашего раненого. Ему интересно.

– Спасибо, – сказал Андрей. – Я пойду.

– Вернетесь, будем обедать, – сказал Конрад.

Перед выходом Конрад выдал Андрею пояс с бластером.

– Здесь много неожиданных гадов, – сказал он. – Правда, сюда они редко суются – шумно, боятся, запахи чужие. И все же залетают.

Они пошли втроем. До шатров было метров триста. Впереди шагал Жан. Он нес через плечо сумку Ингрид с медицинскими инструментами. Затем Ингрид – рука на поясе. Андрей замыкал шествие.

Спутники Андрея выглядели опереточно – легкие рубашки и шорты, широкие пояса с пистолетами на боку, высокие сапоги – типичные покорители звездных трасс из детских фильмов.

Они шли по широкой тропе. Трава была сочной, зеленой. Гудели пчелы, огромный, в пядь, зеленый кузнечик выскочил на тропинку, присел и сиганул метров на десять. Вереницей пересекали тропинку большие желтые муравьи, мелкие розовые бабочки густой стайкой вились над белыми шапками соцветий. Андрей отмахнулся от шмеля размером с кулак. Тот обиженно взревел, но отлетел.

– Они не кусаются? – спросил Андрей.

– Вылечим, – ответила Ингрид обнадеживающе.

– Все же здесь надо осторожнее, – сказал, обернувшись, Жан. – Вылечить она вылечит, но будет больно.

– А в озере вы купаетесь? – спросил Андрей.

– Ни в коем случае, – сказала Ингрид, – на это даже моего оптимизма не хватит.

– Оптимизм ни при чем, – сказал Жан. – Один

раз на берег выползла такая гадина, что Конрад забрался на шатер – совершенно гладкая поверхность, а забрался на вершину. Я думал, что умру от смеха.

По скучному тону Жана трудно было представить, чтобы он умирал от смеха.

– Аксель Акопян его застрелил, – сказала Ингрид. – Шкура в столовой висит. Посмотрите.

– Нет, – сказал Жан. – Мы ее уже запаковали.

Шатры стаи Белого волка вблизи оказались жалкими поделками. Несколько жердей связаны сверху, оплетены ветками и кое-как прикрыты облезлыми шкурами.

Площадка вокруг чумов была утоптана. Удручающе воняло. Более всего от тушек птеродактилей – женщины разделявали их на открытом воздухе. Тучи синих мух реяли над ними. Женщины прекратили работу, глазели. Их заинтересовал Андрей. Незнакомый человек. И одет иначе. Синие рейтузы, серебристые башмаки и белая безрукавка.

Голые детишки, все с косточками, которые они обсасывали – в становище было много мяса, – сбежались, чтобы потрогать гостей. Одна из женщин поднялась и отогнала их хворостиной.

Верхом появился парень в меховой юбке. Он спрыгнул с коня, шлепнул его по морде.

– Хе ка-ва сей, – гортанно сказал он.

Жан ответил длинной фразой.

Из самого большого чума через низкое отверстие выполз толстый старик. Сидя на корточках, принялся хлопать себя по щекам.

– Это брат вождя, – сказала Ингрид. – Показывает, какое большое горе.

Андрею хотелось убежать от тоскливой, всепроникающей вони. Мухи перелетели к гостям и густо жужжали у самых глаз. Рыжая хромая собака с окровавленной мордой зарычала, осев на задние лапы.

– Пошли в шатер, – сказала Ингрид. – Там мух нет.

В шатре было прохладнее. Глаза быстро привыкли к зеленоватой полутьме; внутри шатер оказался просторнее, чем выглядел снаружи. Пахло терпко и остро – в середине дымил костер, лежала охапка травы. У костра на корточках сидела девушка. Она кинула в дым связку травы и поднялась. На темном лице светились белки глаз и зубы.

– Ты пришла. – Она легонько, на мгновение прижалась лбом к плечу Ингрид.

Куча тряпок и шкур за костром зашевелилась. Оттуда послышался низкий голос. Зацокал, заурчал. Жан ответил.

– Вождь был на охоте, – сказал Жан. – Его догнал лев.

Ингрид прошла к ложу раненого. Жан переводил ей.

Андрей понимал, что он здесь лишний, но выходить наружу, в жару и вонь, не хотелось.

Рядом с костром в землю было вкопано бревно с сучьями. На сучьях висело оружие. Андрей подошел, разглядывая короткие копья с широкими каменными лезвиями, прямой зазубренный меч.

Девушка стояла к нему спиной, наблюдая за тем, что делает Ингрид. Наряд девушки ограничивался короткой юбкой, ладно сшитой из конской шкуры. Прическа странная – на висках волосы сбриты, на макушке торчат ежиком.

– Так можно и ногу потерять, – сказала Ингрид.

В ответ что-то спросил раненый, потом ответил Жан. Девушка почувствовала взгляд Андрея и обернулась. Куда быстрее, чем оборачиваются городские девушки, которые не чувствуют чужих взглядов и не привыкли их бояться.

Глаза были светлые, внимательные. Андрей улыбнулся. Девушка после секундной паузы улыбнулась в ответ.

– Тебя я не видела, – сказала она. – Ты новый. Ты с неба?

– С неба, – сказал Брюс. – Ты откуда знаешь наш язык?

– Жан меня учит, – сказала девушка. – Никто не знает язык людей неба. Я знаю. Я умная. Я – дочь вождя.

– Как тебя зовут?

– Биллегури, а твои люди зовут меня Белогурочка. Почему?

– Им лучше знать. Это хорошее имя.

В Белогурочке было что-то птичье – в посадке головы, настойчивом взгляде, тонкости костей. От плеча до небольшой груди шел светлый шрам.

Белогурочка перехватила взгляд Андрея и сказала: – Меня ударил вран, я упала с горы. И прямо на сук.

– Ты знаешь много слов, – сказал Андрей. – Кто такой вран?

– Это пещерный медведь, – сказал Жан. – Их здесь не бывает, они живут к северу, где раньше кочевала стая.

– Мы раньше жили у леса, – сказала Белогурочка. – Потом пришел Октин Хаш и убил многих мужчин. И взял женщин. А мы убежали. Он хотел и меня взять. Вы будете с нами есть?

– Нет, – сказала Ингрид. – Мы будем есть дома.

– Жан боится нашей пищи, – сказала Белогурочка. – Он боится, что у него будет болеть живот от микробов.

В чум заползла женщина. Спросила что-то. Ей ответил Жан.

Только сейчас, когда прощались, Андрей увидел отца Белогурочки. Тот лежал на спине с закрытыми глазами. Ингрид дала ему наркоз, и теперь он отдыхал от боли.

Белогурочка выпорхнула за ними на площадку. Андрею стало дурно от вони. Разделка птеродактилей подходила к концу. Дети гоняли собак, чтобы те не растащили мясо.

Подскакали два воина. Они подняли копья, приветствуя гостей. Один из них, одноглазый, засмеявшись, прошептал длинную фразу. Жан ответил. Ингрид поняла и сказала Андрею: – Он жалеет, что не смог утащить у нас блестящую коробку. Они страшные воришки. Если покопаться в шатрах, найдешь все, что пропало у нас за полгода.

Жан тоже смеялся. Белогурочка сказала:

– Брать чужое плохо.

Она посмотрела на Андрея снизу вверх. Она была на голову ниже его.

– Плохо, – согласился Андрей.

– У тебя на голове блестит. Это рана?

– Как ты догадалась?

– Ингрид всегда мажет раны жидкой мазью, которая потом твердая. Кто на тебя напал?

– Птеродактиль, – сказал Андрей. – Знаешь?

– Знаю. Это корпы. Вон лежат. Мы из них делаем одежду, когда холодно. И еще едим. У нас теперь много мяса. Хочешь, я тебе дам?

– Пошли, – сказала Ингрид. – А то тебе обедать не захочется.

Белогурочка смотрела им вслед. Она увидела, что Андрей обернулся, и крикнула:

– Ты красивый!

– Ну вот и поклонница, – сказала Ингрид. – Почему во всей Вселенной капитаны Космофлота пользуются такой популярностью у девушек?

– Не представляю. Раньше это говорили о гусарах.

– У них форма красивая, – сказал Жан. – Смотри под ноги. Змея!

Змея скользнула молнией и скрылась в траве.

Андрей принял душ. Ему казалось, что он пропитан запахами становища.

За обедом Конрад сказал:

– Тебе повезло.

– Я рад, что побывал там, – сказал Андрей. –

Это очень интересно. Только воняет.

– Я не об этом. К нам в гости сам Октин Хаш.

– Аттила?

– Он умный человек, – сказал Конрад. – Я с ним разговаривал. Он сознает свою историческую задачу.

– Если историческая задача грабить и убивать, – сказала Ингрид возмущенно, – то осознать ее несложно. Вам нравится суп?

– Необычно, – сказал Андрей.

– Мы здесь многому научились, – сказала Ингрид. – Знаем, какие травы полезны, а какие есть нельзя.

– Спасибо Белогурочке? – спросил Андрей.

– Она вам понравилась? Правда, замечательный ребенок?

– Сколько ей лет?

– Не знаю. Жан, сколько лет твоей Белогурочке?

– Здесь год немного длиннее нашего, – сказал Жан. – И потом в первобытном обществе другие

мерки. Девиц отдают в соседний род, когда исполняется тринадцать-четырнадцать.

– А почему не отдали Белогурочку?

– Она была предназначена парню из стаи Динозавров. Но та стая полностью истреблена. Белогурочка – девушка-вдова. Это недостаток.

– Еще налить супа? – спросила Ингрид.

Пришел чернявый, ртутный, яростный Аксель Акопян. Присел за стол и принялся работать ложкой так, словно соревновался на скорость.

– Видели, какой дым? – сказал он.

– Мне говорили, что орда Октина Хаша захватила кибитки стаи Серой акулы. И был бой, – сказал Жан.

– Господи, когда это кончится! – сказала Ингрид.

– Я тупею от этих запахов, – сказал Конрад. – Здесь все пахнет.

Пышная, добрая Медея, которая дежурила на кухне, принесла миску с тушеным мясом.

– Угадай, что это такое, – сказал Конрад.

– Лучше и не пытайтесь, – возразила Ингрид.
– Я стараюсь не думать. Хорошо, что у нас запас консервов.

– Ничего особенного, – сказал Жан. – Это оленина. Я покажу вам его рога. Два метра в размахе.

– Почему все так нелогично? – спросил Андрей. – Законы эволюции постоянны. Одно отмирает и уступает место другому.

– Здесь не уступило, – сказал Конрад.

– Сюда нужно экспедицию человек в сто, – сказал Аксель. – Я написал отчет, а в Центре никак не раскочаются. Эта планета набита тайнами. Ты смотришь направо – так быть не может! Ты смотришь налево – такого не бывает, а оно есть. Вы меня понимаете?

– Нет, – сказал Андрей. – Я здесь всего два часа.

– Завтра сядете со мной в вездеход, и я повезу вас по кинжальному каньону.

– Покажи ему туннель-эдельвейс, – сказала Медея, – он раскроет рот, так и останется.

– Я завтра утром улетаю, – сказал Андрей.

– Ничего, – сказал Конрад. – На этот раз мы отправим в Центр столько материалов, что они вынуждены будут пошевелиться. Есть вещи, которые случайностью не объяснишь.

– А когда они посмотрят, что дал радиоуглеродный анализ, они за головы схватятся! – с торжеством заявил Аксель.

– Нет, Андрею надо что-то показать. До темноты еще часа два, – сказал Жан. – Давайте, я покатаю его на флаере.

– Спасибо, – сказал Андрей. Ему было стыдно признаться в том, как сильно его тянет в сон. Впрочем, проницательная Ингрид угадала, что с ним творится.

– Никуда он не полетит, – сказала она. – Зачем спать во флаере, когда можно поспать в шатре. Человек впервые попал к нам. вспомните, как вы здесь спали первые дни. Конрад, уступишь Андрею койку?

– А компот? – удивился Аксель Акопян.

– Пускай идет, – сказала Ингрид. – Через два часа мы его разбудим.

– Через час, – сказал Андрей.

Конрад разбудил Брюса через два с половиной часа.

– Ты не простишь, если я дам тебе спать до утра, – сказал он.

В руке он держал чашку кофе. За окном было сине, почти совсем стемнело.

– Я себе не прощу, – сказал Андрей. – Спасибо, что разбудил. Со мной такого еще не бывало.

– Мы засекали со спутника, – сказал Конрад, – что Октин Хаш уже выехал. Хочешь посмотреть?

– Мне никто ничего не рассказывает, – сказал Андрей, отбирая чашку у Конрада. Кофе был горячий и очень крепкий. Конрад постарался.

Каюта Конрада была заставлена планшетами. Конрад считал себя художником. К счастью, он не стал художником, а стал хорошим биологом. Это были пейзажи. Очень яркие, в основном с закатами.

– А чего он к вам едет?

– Как соседняя держава. С визитом, – сказал Конрад. – Считается, что мы взяли под свою руку стаю Белого волка. И можем претендовать на их